

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Х98

Deborah Hewitt
THE NIGHTJAR

First published 2019 by Pan, an imprint of Pan Macmillan,
a division of Macmillan Publishers International Limited

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Хьюитт, Дебора.
Х98 Полуночник / Дебора Хьюитт ; [перевод с англий-
ского М. Р. Лобия]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-111774-0

Алиса Уиндем боится птиц. Но получает странный подарок от старушки, скончавшейся прямо на ее руках. Невзрачное перо сиедулинту, полуночника.

Теперь Алиса — птицелов и знает, что может читать души как раскрытую книгу.

Когда лучшая подруга Алисы попадает в автокатастрофу, она должна проникнуть в Обитель Смерти, чтобы спасти ее. Добраться до Черного зверинца, где находят кров полуночники, если души их владельцев отлетают прочь. И украсть душу-птицу у самого Повелителя мертвых.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Лобия М.Р., перевод на русский
язык, 2020

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111774-0

*Себу и Арчи:
бесконечность не предел!*

¹ Фраза принадлежит Баззу Лайтеру, персонажу мультфильма «История игрушек» (здесь и далее — *прим. пер.*).

Пролог

Груши в саду поспели слишком рано, и вокруг гниющей в траве падалицы, словно на званом пиру, роились муравьи и плодовые мушки. Он стоял на террасе, с отворачиванием вдыхая аромат переспелых плодов, мешавшийся с тошнотворным запахом полевых соцветий. Сентябрь выдался на удивление жарким, и любимые гортензии Хелены начали увядать. Словно почетный караул, они выстроились у террасы, предупредительно склонив головы и роняя на землю желто-коричневые лепестки. Вечерело.

У парадной двери, на усыпанной гравием дорожке зашуршали шины. Он выпрямился и поднес ко рту бокал с виски. Янтарная жидкость в лучах заходящего солнца на миг полыхнула огнем, отбросив отсвет пламени на его руку. Не пригубив напиток, он опустил бокал и закрыл глаза. Жизнь шла своим чередом: трепетали крыльями мотыльки, размеренно щебетали птицы. Умиротворяющий белый шум. Спокойствие. Тишь да гладь да Божья благодать. *Ложь.*

— С-сэр... Джон?

Он открыл глаза. Перед ним, трепеща, стоял *Винсент, мальчишка садовника*. Недавно пролитые слезы оставили на его смуглом замурзанном лице грязные разводы. Одной рукой Винсент крепко держался за створку двери, словно надеялся вихрем промчаться через патио и найти спасение в доме. *И снова — ложь. Спасения нет. Нигде.*

— Сэр... Полиция...

Джон непонимающе уставился на него, затем кивнул. Мальчишка юркнул обратно, и под его кроссовками, на ковре, захрустели осколки разбитого стекла.

Джон оглядел себя: начищенные до блеска ботинки, смокинг, хрустящая белоснежная сорочка. Галстук ослаб, левая манжета расстегнулась. *Полиция.* Придется к ним выйти. Он оправил смятую рубашку, одернул пиджак, вытерев окровавленные ладони о лацканы, и направился в дом.

А музыка играла, эхом отражаясь от стен в коридорах Крэнли Грейнджа. Из надсадно хрипящего реликтового граммофона неслись заезженные, металлические звуки. Граммофон... Подарок Хелены в день их свадьбы.

У него перехватило дыхание.

Музыка играла, но некому было ее слушать. Все слушатели были мертвы.

Он схватился за грудь. *Как тяжело... Нечем дышать. Воздуха!* Словно пьяный, он прошелся по террасе. Желудок свело судорогой, и, чтобы не упасть, схватился за железные перила. Его вырвало прямо на гортензии, но легче не стало: перед его глазами снова всплыла обеденная зала.

Осколки зеркала, блестящие на ковре тонкой выделки. Пятна крови на перевернутом обеденном столе. Отпечатки пальцев его матери, отчаянно схватившейся за край дубовой столешницы... Его старик-отец со сломанным позвоночником, обмякший на спинке кресла. Его невестка, неуклюже сползшая на пол и навечно застывшая рядом с одеревеневшим телом его брата... Хелена, иссеченная осколками стекла... Кровь, растекшаяся под ней, цвета алой, цветущей розы. Вернись он домой часом раньше, она бы, возможно, осталась жива...

Замирая на каждой ступеньке крыльца, он спустился к лужайке. Нет. Он не выйдет к полицейским. Не вернется в ту комнату вместе с ними. Не вытащит из кармана и не покажет им заляпанное кровью бледное голубиное перо, визитную карточку этих нелюдей, что расправились с его родными, как со скотом на бойне.

Позади него по террасе засемили испуганные шаги Винсента.

— Сэр!

Полицейские что есть мочи грохотали кулаками в парадную дверь. Еще немного, и они найдут ворота и придут на задний двор.

— Сэр! Малыш жив!

Он резко обернулся. Винсент протягивал ему завернутого в кулек младенца. Мягкий хохолок темных волос, карие глаза... Как у *Хелены*. Он отпрянул — от младенца, от сына садовника, от воспоминаний об этой жуткой, чудовищной резне, произошедшей в доме.

Но что это у ребенка в руках? Он нахмурился. Гортензия... Одна из любимейших гортензий *Хелены*. Увядший цветок, крепко зажатый в малюсеньком кулачке. Бледный, тронутый коричневыми пятнами гниения стебель, сморщенные тусклые лепестки.

— Что... Что это? — замирая от страха и благоговения, прошептал Винсент.

Дитя взмахнуло ручкой, и поникший было цветок приподнял чашечку. Зеленый стебель внезапно окреп, наполнился густым живительным соком и закачался. Пожухлые лепестки разгладились, залиловели ярко и радостно. Чаша цветка дрогнула, и лепестки потемнели, окрасились в нежный пурпур... затем в кремовый беж... Джон не сводил глаз с ребенка, а тот водил гортензией из стороны в сторону, и лепестки цветка сворачивались и разворачивались, словно повинуюсь безмолвным командам.

Малютка пускал пузыри, и у сэра Джона захолонуло сердце. *Глаза Хелены... Гортензия Хелены*. Обман. Везде — обман.

Он тряхнул головой.

— Это дитя... — прохрипел он. — Лучше бы оно умерло вместе с матерью.

— Но сэр...

Он выбросил вперед руку и, словно гранату, запустил бокалом с виски в сад. С глухим стуком бокал ударил

дрожавшего мальчика прямо в лицо, разбив ему бровь и раскроив щеку.

Мальчик, прижимая к лицу ладонь, в ужасе воззрися на Джона. Кровь текла сквозь его пальцы и падала на распашонку младенца. Гортензия в кулачке малютки поникла и обратилась в прах.

Джон развернулся и двинулся прочь. Глаза его остекленели. Ноги налились свинцом.

Младенец зашелся в отчаянном плаче.

1

Все напасти Алисы Уиндем начались утром в тоскливом ноябре, когда она вышла из дому и обнаружила на крыльце коробку. Обычную такую коробку из коричневого картона, шириною в двенадцать дюймов. Единственная странность заключалась в том, что отправитель не поленился и обмотал каждый дюйм коробки липкой прозрачной лентой.

«Для Алисы Уиндем, — гласила надпись. — Не открывать!»

Алиса вытаращила глаза. Если посылку нельзя открывать, на кой ляд, спрашивается, ее вообще отправлять? Она кинула взгляд на часы на руке и недовольно поморщилась. *Черт*. Автобус будет через десять минут, и сегодня ей *позарез* надо на него успеть. Над таинственной посылкой она поломает голову позже.

Она швырнула коробку в коридор и поспешила к остановке. Втянув голову в плечи, чтобы защититься от пронизывающего ветра, она не заметила, как водитель ничем не примечательной черной машины скользнул по ней равнодушным взглядом. Роберт Латтимер, сухощавый, с нежной матовой кожей, как никто другой, умел превращаться в человека-невидимку. Прищурившись, он открыл блокнот и неспешно вывел на чистой странице: *Алиса Уиндем, почтовый ящик 326*. На миг рука его замерла в воздухе, и, поколебавшись, он добавил: *Птицелов?*

Полчаса спустя Алиса сочиняла свой некролог. Конечно, этим утром шансов остаться в живых у нее было маловато, но она никак не предполагала, что ее угробит свихнувшийся водитель автобуса. Хотя... Почему бы не умереть в автобусе? Уж лучше в нем, чем в офисе, где высшее руководство ждет не дождется, когда она осчастливит их своим докладом — первым с тех самых пор, как год назад ее приняли на работу в компанию. Джен, ее лучшая подруга, обещала поставить бутылку шампанского, если все пройдет как по маслу. Однако, по мнению Алисы, все могло пройти как по маслу лишь в одном случае — если бы Джен поставила ей бутылку шампанского *до* презентации.

Как она там начинается? *«Опрос покупателей, недовольных нашими магазинами в торговых центрах, выявил, что... что они...»* Дьявол. Да что там этот опрос *выявил*? Все подготовленные ею материалы остались в офисе. И почему она не взяла их с собой?

Водитель внезапно ударил по тормозам, Алису бросило вперед, и она стукнулась коленками о переднее сиденье. За стеклом замелькали туманные пятна, и двери автобуса с грохотом отворились. На сиденья рядом с дверью хлынули потоки ледяного дождя.

Сухонькая пожилая старушка начала карабкаться по ступенькам, и Алиса прикрыла глаза. *Не отвлекайся!* *«Опрос выявил...»*

Пахнуло лавандой, и кто-то потряс ее за плечо.

— Утро доброе, — прокричала старушка.

Склонившись над Алисой, она глядела на нее мутными от катаракты глазами.

«Неужели она живая?» — поразилась Алиса. Старуха казалась ей давным-давно вымершей рептилией, которую подняли из чрева земли и для устойчивости набили ватой.

— Не возражаете, если я сяду рядом?

Алиса вежливо улыбнулась. Свободных мест в автобусе было хоть отбавляй, но одиноких пенсионерок всегда

тянуло к Алисе как магнитом. Видимо, их привлекало ее лицо — цветущее и розовощекое, уверявшее в целомудрии и добродетели своей владелицы. Но в том, что она более-менее блюла целомудрие, вины Алисы не было — она старалась как могла, но ей не везло. Старушкам она нравилась, а вот мужчинам... Мужчинам — не особенно.

— Разумеется, — отозвалась Алиса. — Я только уберу сумку.

Автобус наконец-то покати́л дальше, подняв ввысь стаю сорок и голубей: расправив крылья, они взмыли над Ларкхолл-парком к затянутому облаками небу.

— Какие прелестные создания, не правда ли? — воскликнула старушка, неотрывно следя за полетом птиц и помахивая, словно крылом, костлявой рукой.

Одинокая сорока спикировала на крышу газетного киоска, и сердце Алисы предательски сжалось. Какое зловещее предзнаменование... *Быть беде.*

— Я знаю, кто вы, — брякнула старушка.

Алиса нахмурилась.

— Я знаю, кто вы, — повторила она.

Повисло неловкое молчание. Не многовато ли экзистенции для утра пятницы?

— Я референт, разбираюсь с жалобами потребителей на обувную компанию, — неловко улыбнулась Алиса.

— Нет, — отрезала пожилая женщина. — Я говорю не о том, чем вы *занимаетесь*, а о том, кем вы *являетесь*. Мне известно про птиц.

Алиса окостенела. Птицы? Но почему — птицы? А куда делись вежливые, но ничего не значащие разговоры о дорожных пробках и плохой погоде? Откуда этой старухе знать, что она до смерти боится птиц? Надо бы пресекать подобные разговоры на корню, особенно по утрам.

— Что вы имеете в виду? — медленно произнесла Алиса. — Вам кажется... Кажется, что я не люблю птиц? Верно?

Старушка кивнула и впи́лась в нее колючим взглядом, видимо восприняв орнитофобию Алисы как личное оскорбление.

— Птицы — невероятные существа, — зазвенел ее тонкий писклявый голосок. — Известно ли вам, что белоголовые орланы — преданные, честные — всю свою жизнь хранят верность одному партнеру? Ну и как после этого ими не восхищаться?

Алиса кисло улыбкунулась. Даже у белоголовых орланов есть личная жизнь. Не то что у нее.

— Я... Все это очень интересно, спасибо вам...

— Сильвия, — подсказала старушка.

— Сильвия... Э-э, птицы просто... В том, что касается птиц...

К горлу Алисы подступил комок, и она отвернулась. Именно это и раздражало ее в Лондоне больше всего. Она примирилась с нескончаемыми автомобилями и шумом, примирилась даже с тем, что ее могли случайно прирезать в темном закоулке. Но птицы — другое дело. Птиц она ненавидела всей душой, а Лондон просто кишел ими. Вороны в Тауэре, лебеди в Темзе, голуби — везде и всюду. Пернатые отравили ей детство, и теперь она желала их видеть лишь в одном месте — на своей обеденной тарелке.

Больше они с Сильвией не обмолвились ни словом и всю оставшуюся дорогу, пока струи дождя злобно хлестали по стеклам, просидели молча. На Трафальгарской площади Алиса поднялась и протиснулась мимо попутчицы.

— Простите, дорогуша.

Алиса обернулась: позади, покачиваясь на тонких, как спички, ногах, стояла Сильвия.

— Я тоже выхожу. Не можете мне спуститься?

Она протянула сухонькую руку, и Алиса, немного подумав, осторожно свела пожилую женщину вниз по ступенькам, прямо под разверзшиеся небесные хляби.

— Благодарю вас, — выдохнула Сильвия, когда автобус исчез из виду. — Не будете ли вы так любезны перевести меня через дорогу?

Алиса беспомощно огляделась. Трафальгарскую площадь она на дух не выносила. И вообще, она собиралась выскочить из автобуса и галопом помчаться на работу — у нее ведь даже зонтика не было.

— Прошу вас, — жалобно протянула старушка.

Алису заела совесть, и она не смогла сказать «нет».

— Да, да, конечно, — отозвалась она и натянуто улыбнулась.

Обхватив Сильвию за талию и жмурясь из-за хлеставшего по глазам дождя, она углядела просвет в веренице мчавшихся машин, рывком перетащила старушку через дорогу и с отвращением врезалась в стаю ворковавших на площади голубей.

Зализанные дождем волосы прилипли к ее лицу. Восхитительно. Боссы придут в восторг от одного ее вида. Предел мечтаний!

— Ну, в общем, хорошего вам дня, — бросила Алиса, собираясь рвануть прочь.

— Одну минуточку. — Сильвия вцепилась ей в руку и вдруг широко распахнула глаза. Алиса покосилась через плечо, но ничего, кроме монументальной колонны Нельсона, не увидела. — Я была с вами не совсем откровенна.

— Слушайте, — смятенно зачестила Алиса, — если речь... ну, я не знаю... о пожертвованиях для Королевского общества защиты птиц или...

— Нет, речь не об этом. Речь о посылке.

Алиса раскрыла рот.

— Простите, вы только что сказали «о посылке»?

Сильвия кивнула.

— Какой посылке? Вы хотите сказать, это *вы* отправили мне коробку, которую я нашла на крыльце?

— Я.

Алиса нервно хохотнула.

— Но...

— Выслушайте меня, Алиса, — прошептала Сильвия.

— Откуда вы знаете мое имя? — Алиса испуганно ждалась. — Кто вы?

— Некогда объяснять, — прохрипела Сильвия.

Дыхание ее сбилось, стало судорожным и прерывистым, морщинистая кожа посерела и почти слилась цветом с асфальтом.